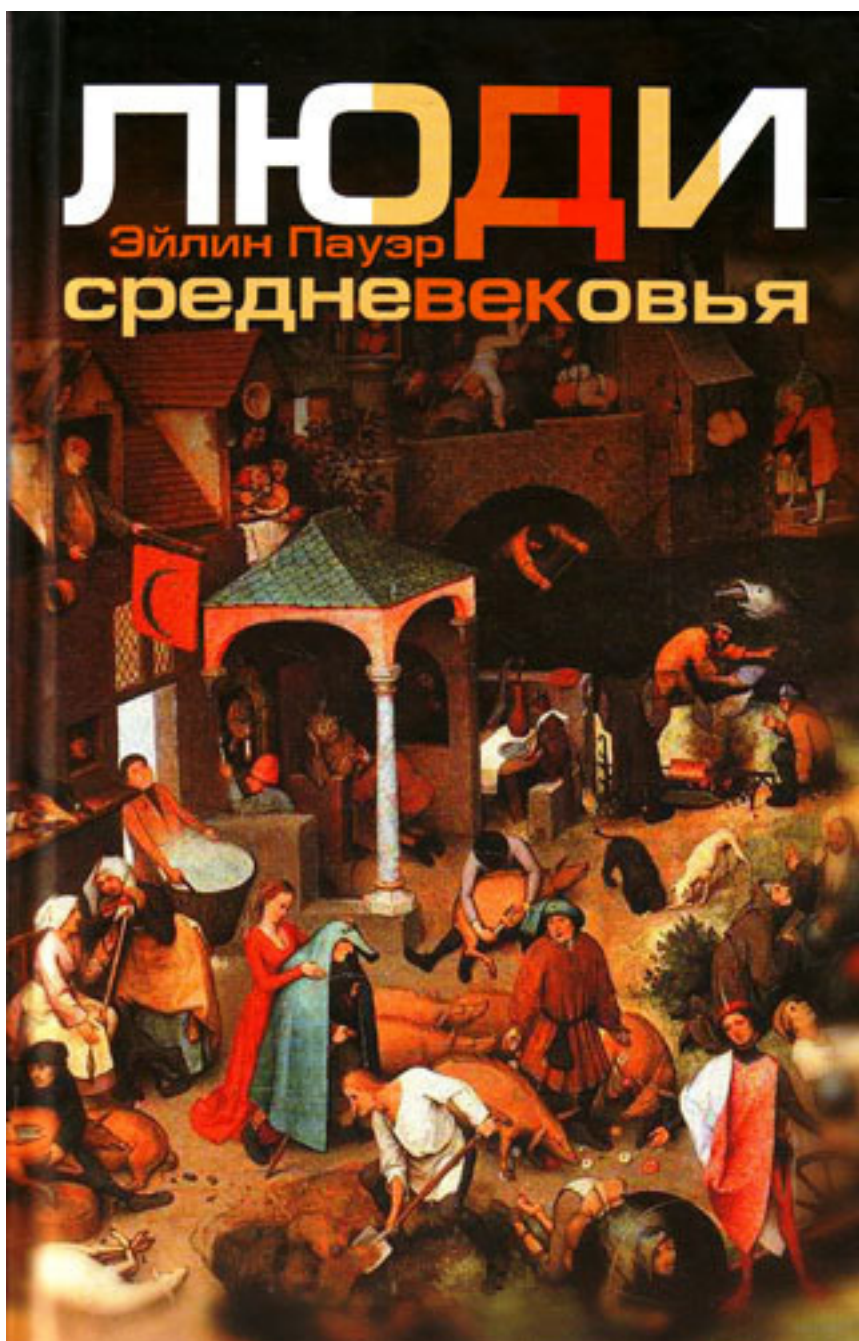

ЛЮДИ

Эйлин Пауэр
средневековья

Эйлин Пауэр

Люди Средневековья

«Центрполиграф»

2010

Пауэр Э.

Люди Средневековья / Э. Пауэр — «Центрполиграф», 2010

Эйлин Пауэр в книге, охватывающей период от Карла Великого до Генриха VII, рассказывает о жизни обыкновенных людей, крестьян и торговцев, ремесленников и монахов, каждый день создающих реальную ткань цивилизации. Их горячая вера, холодный рационализм, таланты и сноровка были питательной средой, из которой и произрастали науки, ремесла и искусства, а также различные общественные институты: мануфактуры, университеты, больницы, училища и дома призрения.

© Пауэр Э., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

От автора	5
Глава 1	7
Закат Римской империи	7
Аусоний	10
Сидоний Аполлинарий	12
Фортунат и Григорий Турский	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Эйлин Пауэр

Люди Средневековья

*Я даю тебе советы, не закрывая ни своего
сердца, ни своей библиотеки.*

Чарльз Лэм

*Когда бы рай мог на земле существовать,
По мне то был бы монастырь иль школа.
В обители царит покой, ведь не браниться
Сюда приходят люди, а молиться.
Здесь много книг – читай же и учись.
Да, в школах есть вражда, но если ты
Постигнешь в них науки, то любовь
В твоей душе навеки воцарится.*

Ленгленд. Петр-пахарь

От автора

Социальных историков порой упрекают в том, что их труды, в отличие от книг, посвященных политической истории, кажутся студентам и обычным читателям слишком обобщенными и туманными, ибо в них нет описаний жизни выдающихся людей. На самом деле материалов для воссоздания биографии какого-нибудь простого человека бывает не меньше, чем для биографии, скажем, Роберта Нормандского или Филиппы Хейнол, и жизнь обычных людей является хотя и не такой яркой, но от этого не менее интересной. Мне кажется, социальная история, обратив свой взор на простых людей, делает прошлое для обычного читателя гораздо более интригующим, особенно если персонажу удастся придать личностные черты, а не ограничиваться сухим трактатом о развитии поместья или средневековой торговли, способным привлечь одних только специалистов. Ведь историю, в конце концов, творят живые люди, и девизом историка должно стать восклицание Метерлинка «Мертвых нет!». Ведь именно представление о том, что история – это наука об умерших людях или, хуже того, о движениях и условиях, весьма слабо связанных с трудами и страстями человека из плоти и крови, не позволило историческим трудам занять то место на книжной полке, которое по праву занимают исторические романы.

В эссе, из которых состоит эта книга, я попыталась дать описание различных сторон социальной жизни Средневековья, а также различных типов исторических источников. Так, эссе, выводящее на авансцену Бодо, посвящено жизни крестьян на самой ранней стадии развития классического средневекового поместья; эссе о Марко Поло – торговле Венеции с Востоком; эссе о мадам Эглантине – жизни в монастыре; эссе о домашней хозяйке – жизни представителей среднего класса и средневековым представлениям о том, какой должна быть женщина; эссе о Томасе Бетсоне – торговле шерстью и деятельности крупной английской Компании торговцев сырой шерстью и эссе о Томасе Пейкоке – текстильному производству в Восточной Англии. Все это простые, никому не известные люди, за исключением Марко Поло. Эссе были написаны на основе изучения имущественных книг землевладельцев, хроник и рассказов путешественников, епископальных журналов, дидактических трактатов по ведению домашнего хозяйства, семейной переписки, домов, надгробий и завещаний. Я надеюсь, что эта скромная попытка вернуть к жизни некоторых «наших отцов, давших нам начало», быть может, увлечет на час-

другой обычного читателя или заинтересует учителя, который захочет оживить свои уроки по истории Средневековья рассказом о людях той эпохи.

Эйлин Пауэр

* * *

Давайте же теперь восславим знаменитых людей и отцов, давших нам начало.

Среди них есть те, кто оставили после себя имя, чтобы все воздавали им хвалу.

А есть и такие, от которых не осталось никакой памяти, которые исчезли, словно никогда их и не было, словно они никогда не появлялись на свет, а вслед за ними – их дети.

Но это были милосердные люди, чья доброта не забыта.

И семя их по-прежнему дает хорошие всходы, и их дети продолжают их дело.

Их семя очень крепко, и у их потомков тоже.

Их семя будет жить вечно, а их слава не будет ничем запятнана.

Их тела покоятся в мире, но их имя будет жить вечно.

Екклесиаст, xliv

Глава 1

Предшественники

Закат Римской империи

Каждому известно, что Средние века проросли сквозь руины Древнего Рима. Упадок Римской империи предшествовал и, в определенной степени, подготовил почву для возвышения королевств и культур, составлявших средневековую систему. Однако, несмотря на эти очевидные факты, мы очень мало знаем о жизни людей и идеях, господствовавших в те годы, когда Европа уже теряла свои римские черты, но не приобрела еще средневековых. Мы не знаем, каково это было – наблюдать закат империи, мы даже не знаем, понимали ли люди той эпохи, что живут в период ее упадка. Однако мы уверены, что никто из них не мог ни предсказать, ни предвидеть, каким через несколько веков станет мир.

Тем не менее люди хорошо понимали, что Рим переживает трагические времена, и главные противодействующие силы были у всех на виду. Люди понимали, что Римская империя IV и V веков была уже совсем не той империей, в которой жили великий Антоний и Августин, что она лишилась многих своих владений, а экономические связи между различными провинциями оказались прерванными. Империи угрожали варвары, которые в конце концов и погубили ее. Территория Римской империи времени расцвета простиралась от берегов Северного моря до северных окраин Сахары и от атлантического побережья Европы до центральноазиатских степей. В нее входила большая часть владений бывших эллинской, иранской и финикийских империй, и она управляла или держала под контролем огромные массы людей и многие государства за пределами ее галльских и североафриканских границ. В IV же веке территория Рима сократилась и продолжала неуклонно сокращаться.

В предыдущие века в пределах римских границ, вдоль путей, которые соединяли друг с другом римские провинции, текли мощные межрегиональные торговые потоки. Однако приблизительно с III века экономическое единство империи начало разрушаться, и к V веку большая часть потоков этой межрегиональной торговли прекратила свое существование – провинции и области оказались предоставленными самим себе и должны были полагаться лишь на собственные ресурсы. А с обеднением провинций и сокращением торговли численность населения, богатство и политическая власть крупных городов в них уменьшились.

Однако империя до самых последних дней своего существования пыталась защитить свои границы от вторжения варваров. Варварские завоевания, подобно всем другим завоеваниям, грозили империи не только гибелью и разрушением, самый образ жизни варваров отрицал римскую цивилизацию – какой она была раньше и какой – увы! – постепенно переставала быть.

Современники наблюдали или должны были наблюдать острейший конфликт между римскими и варварскими ценностями совсем не в материальной сфере. Римская цивилизация была в первую очередь цивилизацией разума. Она опиралась на многовековую традицию мысли и интеллектуальных достижений, составлявших наследие Греции, в которое она, в свою очередь, внесла большой вклад. Римский мир был миром школ и библиотек, писателей и строителей. Варварский же мир был миром, в котором разум пребывал в младенческом состоянии, и это состояние затянулось на многие века. Германские саги, воспевавшие битвы, существовали и дошли до нас лишь в форме легенд, созданных в более позднее время. Имелось несколько грубых законов, которые регулировали личные взаимоотношения людей, – вряд ли все это можно назвать цивилизацией в том смысле, в каком понимали ее римляне. Король Хильперик

пытался сочинять стихи в стиле Седулия, но не имел никакого понятия о длинной и короткой стопах, и они у него хромали, а сам Карл Великий, ложась спать, клал под подушку грифельную доску, чтобы ночью поупражняться в искусстве письма, которое он так и не освоил. Что общего было у них с Юлием Цезарем, Марком Аврелием и тем великим Юлианом, которого называли Отступником? Уже по одним этим примерам можно понять, какая непроходимая пропасть разделяла Германию и Рим. Таким образом, римляне и варвары были не только военными противниками, но и вели совершенно различный образ жизни – цивилизованный и варварский. Мы не имеем здесь возможности подробно обсудить вопрос, почему в процессе их столкновения цивилизация погибла, а варварство победило. Однако очень важно помнить, что, пока империя пыталась защитить свои границы от варварских орд, она постепенно открывала их для варваров-поселенцев.

Мирное проникновение варваров, которое изменило весь характер завоеванного ими общества, было бы невозможно, если бы общество не было поражено болезнью. Эту болезнь можно хорошо было разглядеть уже к III веку. Она проявлялась в тех бесконечных гражданских войнах, которые вели между собой различные провинции и армии. Она проявилась в великом инфляционном кризисе, начавшемся около 268 года, и в непомерных налогах, которые разорили мелких собственников, оставив состояние богачей нетронутым. Она проявилась в постепенном сокращении торговли, основанной на свободном обмене, и замене ее более примитивным бартером, поскольку каждая провинция стремилась стать самодостаточной. Она проявилась в упадке земледелия, при котором безработное население городов умиротворялось раздачей хлеба и зрелищами. Жизнь бедняков очень сильно, очень резко отличалась от жизни надменных сенаторских семей и крупных земледельцев, обитавших в роскошных виллах и городских домах. Она проявилась в появлении мистических верований, возникших на руинах философии, и суеверий (в особенности астрологии), возникших на руинах разума. Особенно возвысилась одна религия, которая в своих священных книгах обращалась к жертвам социальной несправедливости со словами утешения, но, хотя она и могла дать надежду отдельному человеку, вдохнуть новую силу в разбитую в бою цивилизацию или вдохновить ее на борьбу, она была не способна (да и не стремилась к этому). По самому своему характеру эта религия отличалась беспристрастностью и годилась для всех – будь то варвар, бедный римлянин или богатый римлянин, будь то человек, стоявший у власти, или человек, находившийся за чертой бедности.

Самым ярким проявлением упадка римского общества было уменьшение числа римских граждан. Империя оскудела людьми еще задолго до того, как завершился период мира и процветания, который продолжался со времен Августа до Марка Аврелия. Разве Август не пригласил в Рим бедняка из Фьезоле, имевшего восемь детей, тридцать шесть внуков и восемнадцать правнуков, чтобы устроить в его честь праздник в Капитолии, о котором узнали все граждане Рима? Разве Тацит, известный своим вниманием к человеческой природе, описывая благородных дикарей (но имея при этом в виду своих сограждан), не отмечал, что среди германцев считается позором ограничивать число детей в семье? Долгая жизнь закона Августа, направленного на повышение рождаемости, – очень важный факт. Этот закон не привел к ее повышению, но сам факт, что он был включен в свод законов и в течение трех веков систематически пересматривался и дополнялся, показывает, что его считали совершенно необходимым. Конечно, смертность в те дни была гораздо выше, чем в наше время, а смертность от эпидемий и гражданских войн начиная со времен Марка Аврелия была исключительно высокой. И так же хорошо известно, что в Римской империи было очень много одиноких людей, а число детей в семьях неуклонно уменьшалось. Авторы той поры сокрушаются о том, что многие супруги вообще не хотят заводить детей, а те, что заводят, ограничиваются одним-двумя. Силий восклицал: «Человеческий урожай оказался очень бедным». Он был бедным во всех классах общества, но сильнее всего это проявилось среди высших слоев общества – самых

образованных, самых цивилизованных, чьи дети, вырастая, становились лидерами государства. Римская империя могла бы повторить сказанные гораздо позднее ужасные слова Свифта, которые он произнес, понимая, что сходит с ума: «Я засохну, как дерево, – с верхушки до корней».

Напрашивается вопрос – почему же цивилизация потеряла свою репродуктивную способность? Потому ли, как полагал Полибий, что люди предпочитали развлекаться, а не воспитывать детей, или желали растить их в комфорте? Однако падение рождаемости наблюдалось в первую очередь среди богатых, а не бедных слоев населения, а ведь богатые могли дать своим детям все самое лучшее. А может быть, людей обуял страх и они потеряли веру в будущее и цивилизацию и не хотели, чтобы их дети приходили в этот темный мир, сотрясаемый постоянными войнами? Этого мы не знаем. Но мы хорошо видим связь между падением численности населения и другими бедами империи – высокой стоимостью содержания чиновничьего аппарата (причем чем меньше была плотность населения, тем больше приходилось людям платить налогов на содержание чиновников), заброшенными полями, уменьшающимся числом легионов, которых не хватало даже для охраны границ.

Чтобы компенсировать недостаток населения, римские правители не нашли ничего лучшего, как влить в него свежую кровь варваров. Началось все с небольших инъекций, а закончилось тем, что кровь, которая текла в жилах жителей империи, стала не римской, а варварской. Германцы селились на землях Рима, чтобы охранять его границы и сеять пшеницу. Сначала они входили в состав вспомогательных войск, но вскоре уже целые легионы стали состоять из германцев. Постепенно варвары заняли все руководящие посты в государстве. Армия практически полностью стала варварской. Римский автор Мосс приводит в своем труде удивительный документ – жалобу одной египетской матери, которая требует, чтобы сына вернули домой, поскольку он, по ее заявлению, ушел с варварами, иными словами, стал солдатом римского легиона! Легионы стали варварским, и они, в свою очередь, сделали варварами своих императоров. Для них император уже не был олицетворением божественной власти, а являлся лишь простым предводителем, фюрером, и они поднимали его на щит. Вместе с варваризацией армии шла и варваризация гражданского образа жизни. В 397 году Гонорий вынужден был издать указ, согласно которому в пределах Римской империи запрещалось носить германскую одежду. В конце концов, императоры, сами ставшие наполовину варварами, могли рассчитывать на то, что только варвары сумеют защитить их от натиска других варваров!

Такова была картина общего упадка цивилизации периода, в котором жили римляне в IV, V и VI веках. Каково же было жить в эпоху гибели цивилизации под натиском варварства? Понимали ли люди, что происходит? Неужели Темные века отбросили свою тень на Европу еще до своего наступления? Так получилось, что мы можем ответить на эти вопросы довольно подробно, сосредоточив свой взгляд на одной части империи – знаменитой, высокоцивилизованной провинции Галлия. Мы сможем выявить признаки упадка по трем направлениям, поскольку галло-романские писатели, жившие в IV, V и VI веках, оставили нам описание жизни и нравов своей эпохи. О IV веке мы знаем из трудов Аусония, о пятом – из трудов Сидония Аполлинария и о шестом – из трудов Григория Турского и Фортуната, итальянца, жившего в Пуатье. Они описывают жизнь в Оверни и Бордле в сгущавшихся сумерках. Итак, IV, V и VI века – уходим, уходим, ушли!

Аусоний

Уходим! Это мир Аусония, который жил на юго-западе Франции во второй половине IV века, в период «бабьего лета», наступившего между эпохами натиска и крушения. Аусоний был ученым человеком благородного происхождения, вроде язычников Симмахия и святого Паулина из Нелы. Тридцать лет он преподавал риторику в высшей школе Бордо, некоторое время был воспитателем одного принца, преторианским префектом Галлии, консулом, а в конце жизни – обыкновенным стариком, доживавшим свой век в мире и покое на доходы от своих земельных владений.

Самой знаменитой из его поэм является поэма, посвященная реке Мозель. Несмотря на свой возвышенный стиль, она рассказывает нам о цветущей сельской местности, в которой прошла его жизнь. Высоко над рекой, по обоим ее берегам, раскинулись виллы и сельские дома с двориками, лужайками и портиками, которые были украшены колоннами. Имелись здесь и горячие ванны, искупавшись в которых можно было нырнуть прямо в реку. Холмы, залитые солнечным светом, были покрыты виноградниками, и с их склонов доносились голоса перекликавшихся между собой земледельцев и бурлаков, идущих по бечевнику, которые перебрасывались словами с лодочниками, проплывавшими мимо и отпускавшими грубые шуточки по поводу отдыхающих виноградарей. На середине реки рыбаки вытаскивали из воды сети, а прибившийся на берегу рыболов забрасывал удочку. Когда сгущались сумерки, в воде отражались тени зеленых холмов, и, глядя в воду, лодочники могли различить колеблющиеся лозы и наливающиеся на них гроздья винограда.

Такой же мирной и приятной была жизнь в имении Аусония в Бордле, в его маленьком родовом поместье (как он его называл), хотя в нем было четыреста гектаров виноградников, пахотных земель и лесов. Знатоки напоминают нам, что «до сих пор славится вино «Шато-Осон» как одна из двух лучших марок кларета Сент-Эмильона». Здесь Аусоний выращивал розы и посылал мальчика звать на обед соседей, пока он обсуждал с поваром меню. Оптимальное число обедающих – шесть человек, включая и хозяина; если же за столом собирается больше, то это уже не обед, а говорильня. Кроме того, в стихах нужно было прославить всех своих родственников – дедушку и бабушку, сестер и двоюродных братьев и конечно же тетюшек (тетушек в особенности).

А когда семейный круг приедался, можно было удалиться в большую общую гостиную, и отдать должное, и восславить, в свою очередь, ученых людей Бордо. В империи IV века образованные люди были весьма уважаемыми; Симмахий говорит, что высокая оплата труда учителя – признак процветания государства. Впрочем, я затрудняюсь сказать, какой вывод можно сделать из этого в свете исторических событий. Аусоний написал целую серию стихотворений о преподавателях Бордо. Их было тридцать два, и он никого не забыл. Был здесь Минервий, преподаватель ораторского искусства, который обладал великолепной памятью и после игры в триктрак подвергал анализу каждый свой ход. Был здесь Анастасий, преподаватель грамматики, который по глупости своей променял Бордо на одну из провинциальных школ и был вполне заслуженно забыт. Был Аттий Тиро Дельфидус, который сменил судейскую мантию на учительскую кафедру, но совсем не занимался со своими учениками, к величайшему огорчению их родителей. Был здесь Йокунд, преподаватель грамматики, который не совсем соответствовал этому званию, но был так добр, что мы решили назвать его имя среди имен прочих достойных людей, хотя он, строго говоря, не годился в наставники. Был здесь Экзюпери, который отличался необыкновенной красотой, а его речи казались блестящими, но, вдумавшись в них, все понимали, что в них нет никакого смысла. Был здесь Диналий, который не удержался на тропе добродетели, прельстившись одной замужней дамой из Бордо, и довольно поспешно покинул город, но, к счастью, благополучно приземлился в Испании. Был здесь Викторий,

младший учитель, которого интересовали лишь самые темные страницы истории – например, к какому роду принадлежал жрец, приносивший жертвы в Курео и живший задолго до Нумы, или о чем беседовал Кастор с царями в мире теней. Викторий так и не добрался до Туллия или Вергилия, а ведь мог бы это сделать, если бы продолжал читать и дальше, однако смерть слишком рано прибрала его. Эти персонажи кажутся нам очень знакомыми (за исключением, конечно, Диналия), и Аусоний описал их как живых.

Таков был мир, представленный нам Аусонием. Но что происходило в мире, пока в его милом сельском доме и его большой гостиной текла спокойная жизнь? Аусонию было около пятидесяти, когда в 357 году орды германцев перешли Рейн, разграбили сорок цветущих галльских городов и расположили свои лагеря на берегах Мозеля. Он видел, как великий Юлиан взялся за оружие («О Платон, Платон, какая задача для философа!») и в ходе нескольких блестящих военных кампаний изгнал германцев из Галлии. Десять лет спустя, будучи учителем Грациана, Аусоний сопровождал императора Валентиниана в его походе против тех же самых врагов. Еще через десять лет, гордясь, что стал консулом, он, наверное, слышал о сражении при Адрианополе, когда готы нанесли сокрушительное поражение римской армии и убили императора. Аусоний умер в 395 году, а через двенадцать лет после его смерти орды германцев снова пересекли Рейн и «вся Галлия превратилась в дымящийся погребальный костер», а готы стояли уже у ворот Рима. И как же Аусоний и те люди, с которыми он переписывался, отреагировали на это? Они не обмолвились ни словом. Аусоний, Симмахий и их компании предпочитали попросту игнорировать варваров, точно так же, как в романах Джейн Остин вы не найдете ни единого упоминания о Наполеоновских войнах.

Сидоний Аполлинарий

Уходим, уходим... Через тридцать пять лет после смерти Аусония, в середине грозного V века родился Сидоний Аполлинарий, галло-романский аристократ, тесть императора, одно время – префект Рима, а в конце жизни – епископ Клермонский. Родился он в 431 году (или около того) и умер в 479 году или, возможно, несколькими годами позже. В промежутке между смертью Аусония и рождением Сидония произошло много событий. По всей Европе мерк свет цивилизации. В Галлии и Испании появились королевства варваров, Рим был разграблен готами, и в годы жизни Сидония империя с огромной скоростью приближалась к своей гибели. Когда ему исполнилось двадцать, Запад пережил ужасное событие – нашествие Аттилы и гуннов. Они ушли, но, когда Сидонию было двадцать четыре года, Рим подвергся нападению вандалов. Он видел, как ужасный германский делатель королей Рисимер посадил на трон и сбросил с него нескольких марионеточных императоров, видел, как погибли последние остатки галльской независимости, и сам он сделался подданным варваров, а за несколько лет до смерти стал свидетелем окончательной гибели Западной империи.

Сидоний и его друзья уже не могли, подобно Аусонию и его коллегам, делать вид, что вокруг ничего не происходит. Людей V века очень тревожили обрушившиеся на них беды, и они старались найти для себя утешение, каждый на свой лад. Одни надеялись, что все это скоро кончится. Они говорили, что империя и раньше переживала тяжелые времена и всегда выходила из них победительницей, возвысившись над своими врагами. Так утверждал сам Сидоний на следующий год после разгрома Рима – Рим неоднократно переживал подобные погромы, заявлял он, и во времена Порсенны, и во времена Бренна и Ганнибала... Только на этот раз Риму уже не удалось подняться. Другие пытались объяснить беды, постигшие империю, пороками общества. Таким был Сильвиан Марсельский, которого, несомненно, прозвали бы мрачным деканом, если бы он не был епископом. Он считал, что угасающая римская цивилизация спасется лишь в том случае, если воспримет ряд добродетелей, присущих этим свежим, молодым варварам. Аналогичным образом (Эрозий защищал варваров, утверждая, что Римская империя сама возникла в ходе кровавых завоеваний и не имеет права бросать в чужаков камень. В конце концов, варвары не так уж и плохи. «Если несчастные люди, которых они ограбили, удовлетворятся тем немногим, что им оставили, то завоеватели станут относиться к ним как к своим друзьям и братьям»). Другие, особенно наиболее вдумчивые служители церкви, задавались вопросом – почему империя, процветавшая при язычниках, подверглась такому страшному разгрому при христианах? Другие полностью отвергали реальность и, подобно святому Августину, связывали все свои надежды с нерукотворным градом, хотя Эмброуз очень тонко подметил, что Бог не желает, чтобы его люди спаслись с помощью логических построений. «Бог не возрадуется, если людей спасет диалектика».

Какова же была жизнь этих людей? Если судить по посланиям Сидония, написанным им с 460 по 470 год, когда он жил в своем поместье в Оверни, то условия жизни совсем не изменились. Конечно, территория Галлии сократилась до небольшой области, зажатой между двумя варварскими королевствами, но если не обращать на это внимания, то можно подумать, что вернулись времена Аусония. У Сидония была роскошная вилла с банями и бассейнами, с анфиладой комнат и прекрасным видом на озеро. Сидоний приглашает друзей погостить у него и рассылает ученым людям, епископам и знакомым помещикам свои произведения. Большой популярностью пользуются различные игры и занятия спортом – Сидоний ездит верхом, плавает, охотится и играет в мяч. В одном послании он пишет, что проводит дни в деревне со своим двоюродным братом и старым другом, чьи поместья расположены по соседству. Они с братом отправили посыльных, которые разыскали этого друга, привезли погостить в дом Сидония на недельку и теперь по очереди развлекают его. До завтрака они играют в мяч на лужайке,

а старики развлекаются игрой в триктрак. «Перед роскошным обедом, – пишет Сидоний, – мы проводим часок-другой в библиотеке, а после обеда спим. Потом мы отправляемся на верховую прогулку, а вернувшись, принимаем горячую ванну и ныряем в реку. Я хотел бы описать наши обильные обеды, – пишет он в конце письма, – но у меня закончилась бумага». Это вам не Британия, где в VI веке люди, являвшиеся наполовину варварами, селились в заброшенных виллах римлян и готовили себе еду в очагах, устроенных в парадных комнатах этих вилл прямо на полу.

И все же... дни Аусония ушли безвозвратно, и Сидоний не может больше игнорировать присутствие варваров. И он оставил их подробное описание, особенно портрет короля вестготов и бургундов, который правил в Лионе, где Сидоний родился. «Когда бы я ни явился туда, – жалуется Сидоний, – варвары окружают меня и демонстрируют свое навязчивое дружелюбие. От них разит луком и протухшим сливочным маслом, которым они смазывают волосы (оказывается, они могли свободно выбирать между копьем и маслом). Можно ли писать шестистопным ямбом, – спрашивает он, – когда тебя окружают столько косолапых, едва ли не шестопалых покровителей, поющих хором и ожидающих похвал своим грубым словам, среди которых нет ни одного латинского?» Недоуменное пожимание плеч, искреннее презрение человека, считающего себя бесконечно выше окружающих его людей, – как все это знакомо! И в этой связи вспоминаются стихи Вердена:

Я – Рим, империя на рубеже паденья,
Что, видя варваров громадных у ворот,
Небрежный акростих рассеянно плетет.¹

Но приятная жизнь Сидония была грубо нарушена. Не все варвары оказались дружелюбно настроенными, и вестготы, поселившиеся по соседству и подчинявшиеся своему новому королю Эврику, обратили на Овернь свои жадные взоры. Сидоний не пробыл и двух лет епископом Клермона, как ему пришлось оборонять город от вестготов. Овернцы сражались храбро; они отбивали штурмы и умирали от голода, оказавшись в осаде, но удержать этот последний оплот Рима в Галлии им не удалось. Их было слишком мало, и для того, чтобы отстоять родную землю, они нуждались в помощи Рима. Чтобы никто не упрекнул меня в искажении исторических фактов, приведу здесь слова редактора книги Сидония, написанные двадцать лет назад: «Юлий Непот хорошо понимал, что Эврик решится перейти Рейн, но силы Юлия были невелики, и он мог надеяться только на то, что в ходе переговоров ему удастся сохранить мир. В Галлию был послан квестор Лициниан, чтобы на месте изучить состояние дел... Теперь он уже вернулся, и вскоре стало ясно, что надеждам на его помощь не суждено было сбыться. Мы видим, что Сидоний пишет, чтобы узнать побольше... Он начал подозревать, что за его спиной идет какая-то возня и что настоящая опасность для Оверни исходит теперь уже не от решительно настроенного врага, а от предавших друзей. Его подозрения оправдались. Выслушав отчет квестора, собрали совет, чтобы определить политику империи по отношению к вестготскому королю... У империи не было сил для оказания помощи Оверни, поэтому решено было уступить ее Эврику, очевидно безо всяких условий».

Отчаянию Сидония не было границ, и он пишет епископу, принимавшему участие в переговорах, письмо, полное благородного негодования: «Положение нашей несчастной провинции ужасное. Все говорят, что даже во время войны дела шли лучше, чем сейчас, после заключения мира. Мы стали рабами, чтобы спасти третью сторону; овернцы... которые в свое время в одиночку преградили путь общему врагу, стали рабами – о, какой же это позор!.. Эти люди, простые солдаты, которые воевали не хуже капитанов, так и не смогли воспользоваться плодами

¹ Перевод Г. Шенгели.

своих побед – плоды были отданы вам ради вашего утешения, а на плечи солдат обрушилось все сокрушительное бремя поражения. И это единственная награда за то, что они героически переносили все лишения и гибли от огня, меча и болезней, за то, что вонзали свои мечи в плоть врага и бросались в бой, не желая умирать голодной смертью. Вот чем обернулся знаменитый мир, о котором мы так мечтали, когда ели траву, выросшую в трещинах стен, чтобы хоть как-то утолить свой голод... Мы доказали свою преданность, и за это нами, очевидно, решили пожертвовать. Если это так, то вы должны покрыться краской стыда за мир без чести и уступок».

Овернью пожертвовали ради спасения Рима. Но Рим недолго наслаждался этим позорным миром. Он был заключен в 475 году, а в 476 году последний римский император был изгнан варваром, и Западная Римская империя перестала существовать. Что касается Сидония, то готы некоторое время держали его в тюрьме, а чтобы вернуть себе поместье, ему пришлось написать панегирик королю Эврику (это ему-то, посвящавшему панегирики трем римским императорам!). Прежняя сельская жизнь потекла своим чередом, хотя люди, которые обменивались письмами и эпиграммами, стали теперь подданными варваров. Но, незадолго до своей смерти, Сидоний обронил одну фразу, в которой высказал то, что было у него на душе: «О, унижающая необходимость родиться, грустная необходимость жить, тягостная необходимость умереть!» Вскоре после 479 года он умер, а в течение двадцати лет после этого Кловий начал свои завоевания, и правителем Италии стал Теодорих.

Фортунат и Григорий Турский

Уходим, уходим, ушли... Есть только одно время и одно сердце, позволяющее на мгновение взглянуть на королевство франков, которое когда-то было Галлией, и описать мир, в котором жили Фортунат и Григорий Турский. Они родились примерно через сто лет после Сидония, в 30-х годах VI века. Если посмотреть на Фортуната, то на мгновение может показаться, что мир в VI веке остался таким же, каким он был в те годы, когда Сидоний развлекал своих друзей эпиграммами и игрой в мяч. Фортунат, этот разносторонне одаренный, мягкий, добродушный, лстивый гурман, который каким-то образом ухитрился написать два самых величественных гимна христианской церкви, в 565 году приехал в Галлию из Италии и домой возвращаться не стал. Он осмотрел все земли, принадлежавшие франкам, и те, что составляли Германию, и те, что входили в состав Галлии. От Трира до Тулузы он с удобствами путешествовал по реке и по дорогам, и, читая его поэму, мы вспоминаем о временах Аусония. Фортунат написал поэму о Мозеле, в которой мы встречаем все тот же веселый сельский пейзаж, где виноградники террасами спускаются к тихой реке, а над лесом поднимается дымок из печных труб. Фортунат посетил и сельские дома, особенно охотно навещая роскошные виллы, принадлежавшие Леонтию, епископу Бордо, знатному галло-романскому аристократу, дед которого дружил с Сидонием. Горячие ванны, портики с колоннами, лужайки, спускающиеся к реке, – все осталось на своем месте; пиры стали еще более обильными (они сильно расстроили пищеварение Фортуната), а разговоры по-прежнему вертелись вокруг литературы. Наиболее умные из предводителей варваров из всех сил старались подражать этой утонченной и роскошной жизни. Франки, как и галлы, с радостью принимали у себя маленького любопытного Фортуната; все графы хотели, чтобы он написал в честь каждого из них несколько латинских стихов. Ясно, что кое-что от старой сельской жизни сохранилось и в VI веке. Счастливчики наслаждаются горячими ваннами и игрой в мяч; как говорит Дилл, пусть варвары правят землей, но законы вежливости никуда не делись.

Но, взглянув на эту жизнь пристальнее, мы начинаем понимать, что мир стал совсем другим. Трагедия VI века ужасает нас не только потому, что мы знаем, что все эти жалкие остатки социальной и материальной цивилизации Рима очень скоро погибнут, но и потому, что, заглянув глубже, мы видим, что жизнь из нее ушла, душа, воспламенившая ее, умерла и не осталось ничего, кроме пустой оболочки. Эти люди с радостью принимают Фортуната просто потому, что он – родом из Италии, где разложение зашло еще не так далеко, где еще сохранилось уважение к образованию и культуре. В обществе этого потерянного ребенка погибшей цивилизации они испытывают чувство ностальгии по умершим временам.

Таков мир Григория Турского, о котором вы можете прочесть в его «Истории франков». Страной правили жестокие короли из рода Меровингов. Варварство распространяется и процветает за оградой вилл, словно дикие джунгли. Образование умирает – от учебных заведений остались лишь одни воспоминания, и Григорий, выходец из знатной галло-романской семьи, занимавший пост епископа, сам говорит о том, что не знает грамматики. Города уменьшаются, замкнувшись в пределах своих оборонительных валов. Горят синагоги, и открывается первая страница трагической истории, в которой евреи были объявлены вне закона, обложены специальными налогами и отправлены в изгнание. Что касается политики, то законом для франков является воля их вожака и его свиты. Все этапы соперничества меровингских принцев за власть сопровождаются резней и кровопролитием. Самыми худшими среди них были чудовища вроде Хильперика и Фредегонда, а самыми лучшими – те же варвары вроде короля Гунтрама, которому Григорий Турский посвятил в своем труде так много снисходительных слов. Этот король мало похож на своих современников – жирный, болтливый человек, то мурлыкающий от удовольствия и демонстрирующий свою веселую, жизнерадостную натуру, то взрывающийся от

гнева и способный на бесчинства. Король Гунтрам – какая-то странная смесь благодушия и жестокости. Григорий относится к нему с любовью, в истории он остался как «добрый король Гунтрам», а церковь после смерти канонизировала его – и это лучше всего говорит о том, во что превратилась цивилизация! Мишле выразил суть этого человека одной фразой: «Это был добрый король, который казнил всего лишь двух или трех человек».

Таковы были люди, которым выпало жить в эпоху падения Рима и триумфа варваров и которые, благодаря своему высокому положению, образованию и талантам, могли если не предсказать, то хотя догадаться, как будут развиваться события. И тем не менее, изучая мир времен Аусония и Сидония (ибо ко времени Григория Турского он уже исчез), нельзя, я думаю, не задаться вопросом – почему они совсем не замечали того, что происходит вокруг? В больших сельских домах устраивались пиры и спортивные состязания, ученые и преподаватели читали свои лекции и писали книги, игры становились все популярнее, а театры никогда не пустовали. Аусоний видел, как германцы завоевали Галлию, но ему и в голову не приходило, что однажды это может повториться. Сидоний живет в мире, который уже наполовину стал варварским, и тем не менее за год до гибели Западной империи мечтает о том, как его сын станет консулом. Почему они не понимали размеров несчастья, которое скоро на них обрушится? Этот вопрос не менее интересен, чем вопрос о том, почему погибла цивилизация, поскольку по сути своей это один и тот же вопрос. На него можно предложить несколько ответов.

К примеру, процесс дезинтеграции шел очень медленно, поскольку сам темп жизни был замедленным, и то, что в наше время происходит в течение нескольких десятков лет, в те времена происходило в течение столетия. Мы смотрим на события прошлого, вооруженные знанием о том, что случилось потом, и благодаря этому можем проследить тенденцию их развития. Нам хочется крикнуть умершим людям в колодезь прошлого и предупредить их, чтобы они успели подготовиться, пока не стало слишком поздно, и не слышим эха, которое ответило бы нам:

«Врачу, исцелися сам!» Они страдали от фатальной близорукости современников событий. Их занимали текущие дела; им нужно было избавиться от опасности, которая нависала непосредственно в данный момент, и они не понимали, что любой компромисс и любое поражение – это звенья одной цепи, тащившей их к пропасти.

В какой момент давление варварства превратилось в неизлечимую болезнь империи? От первого германца, одетого в шкуру и принятого в состав легиона, до великих варварских патрициев Италии, сажавших на трон императоров и сбрасывавших их оттуда, тянется непрерывная нить. В какой момент атаки извне поражение стало неизбежным? Стал ли таким моментом уход римлян из Дакии в 270 году – позволим варварам создать свою сферу влияния в восточной части Европы, и они будут удовлетворены и оставят западный мир в покое? А может быть, им стало поселение готов в качестве федератов в пределах империи в 382 году, положившее начало тому компромиссу между Римской империей и германцами, который, по словам Бери, замаскировал переход от одного способа правления к другому, от федеративных государств в составе этой империи к независимым государствам, которые сменили ее? Стала ли политика умиротворения смертельной ошибкой? А может быть, причина в выводе римских легионов из Британии, страны далеких людей (как мог бы выразиться римский сенатор), о которой мы ничего не знаем? Или была фатальная комбинация Испании и Африки, когда в обеих провинциях к 428 году утвердились вандалы, а их флот (использовавший Майорку и острова в качестве своей базы) отрезал Рим от провинций, снабжавших его зерном, и уничтожил путь, роль которого выполняло Средиземное море? Еще не один раз в истории Европы триумф враждебного правления в Африке и Испании навлечет опасность на нашу цивилизацию.

Итак, римлян обмануло постепенное развитие процесса, но были и другие, столь же важные причины их слепоты. Самым главным было то, что они неверно понимали природу самой

цивилизации. Все они совершали одну и ту же ошибку. Люди, которые были уверены, что Рим поглотит варваров и растворит их в своем населении, не разбавив раствора цивилизации; люди, которые кричали, что варвары не такие уж плохие ребята, и находили положительные черты в режиме их управления, считая, что он поможет римлянам избавиться от пороков, и заявляли, что если ты не станешь немного варваром, то не получишь спасения; люди, которые в 476 году не замечали, что половина Римской республики перестала существовать, и тешили себя мыслью о том, что власть варварских королей была дарована им императором, разделяли ошибочное убеждение, что Рим (цивилизация того времени) – это не просто историческое образование, имеющее свое начало и конец, но явление природы, вроде воздуха, которым они дышат, или земли, которую он пашут. Иными словами, они верили в самый великий и опасный лозунг: «Славься, бессмертный Рим!»

Более того, римлян ослепляло и не позволяло им ясно увидеть того, что происходит, совершенство созданной ими материальной культуры. Все вокруг них было таким прочным и удобным. Само материальное существование было антитезисом варварства. И разве они могли представить себе, что придет время, когда норманнский летописец будет восхищаться разрушенной подземной печью для отопления комнат Карлеона? Могли ли они вообразить, что столь прочное сооружение, как их империя, когда-нибудь вообще исчезнет с лица Земли? Дороги римлян, по мере ухудшения управления, становились все лучше, а центральное отопление распространялось всюду – и это в то время, когда рушилась цивилизация...

Но самым главным виновником «слепоты» римлян была их система образования. Аусоний и Сидоний и их друзья были высокообразованными людьми, а Галлия славилась своими школами. В этих заведениях учили грамматике и риторике, которые были необходимы для гражданской службы и для успеха в обществе. Однако трудно представить себе более оторванное от жизни образование, которое совершенно не воспитывало в людях качеств, помогавших бороться с возникшими трудностями. Изучение риторики, которая давно уже потеряла всякую связь с реальной жизнью, заставляло человека, обладавшего интеллектом, целиком сосредоточить свое внимание не на содержании, а на форме. Предметы, которые римляне изучали в школах, не имели никакой связи с тем, что происходило за стенами этих школ, и создавали у них роковую иллюзию, что завтра все будет точно таким же, как вчера, что условия жизни остались прежними, хотя они полностью изменились.

Итак, мы покидаем римлян. Они уходили... уходили... ушли! Ушли навсегда? Вероятно, нет. Прошли сотни лет, прежде чем варварский мир сумел создать общество, которое смогло сравниться с Римом или даже превзойти его в материальном богатстве, в искусстве, науке и культурном образе жизни. Мы не можем назвать точную дату окончательного избавления от варварства, не можем назвать и людей, которые представили бы развивающуюся цивилизацию столь же полно, как Аусоний или Григорий Турский представили цивилизацию угасающую – Данте, Шекспир, Коперник, Ньютон? Но многие века, быть может, целое тысячелетие миновало, прежде чем Западная Европа достигла тех высот, на которые поднялись эти люди. Целое тысячелетие она постепенно выбиралась из той пропасти, в которой она оказалась после гибели Римской империи. Подъем был не только медленным, но и неравномерным, ибо для установления социального строя, не похожего на римский, потребовалось всего несколько веков, а держался он целую тысячу лет. Тем не менее он обладал величием, которое способно возбудить наш интерес и даже вызвать восхищение наших потомков. В новой культуре и новом социальном строе многое из того, что наблюдали в своей жизни Аусоний, Сидоний и даже Фортунат, снова возвратилось к жизни, пусть и в форме, затрудняющей узнавание. В этом смысле они были не только эпигонами Рима, но и истинными предшественниками Средневековья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.